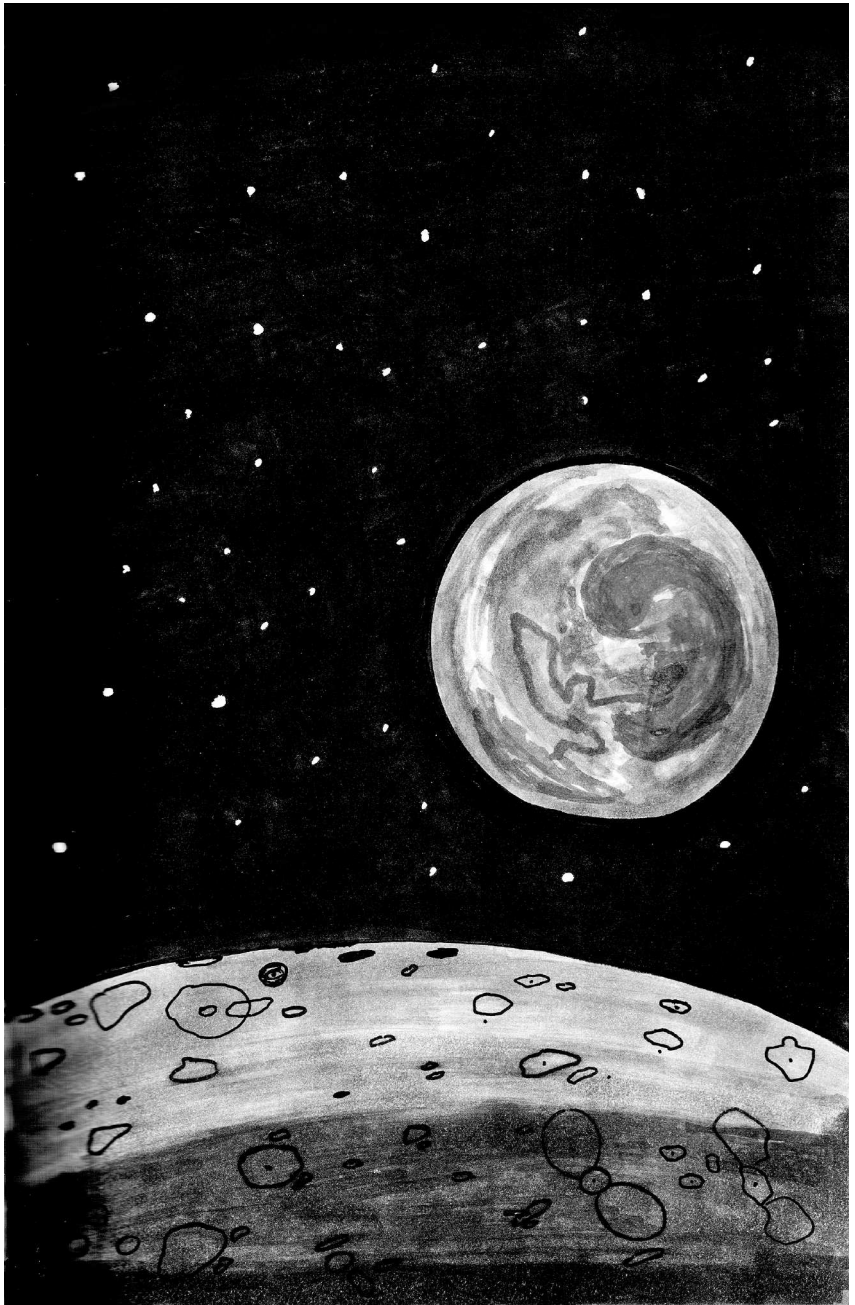

Серия «Мысли о Родине»

АННА РЕВЯКИНА

МЫ ЗДЕСЬ ЖИВЬЁМ

Стихи и две поэмы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р32

*Иллюстрации автора
В оформлении обложки использована
фотография Анны Ревякиной,
сделанная Алевтиной Легещич*

Ревякина Анна.

Р32 Мы здесь живём. Стихи и две поэмы / Анна Ревякина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 208 с. — (Мысли о Родине)

ISBN 978-5-17-159636-1

Анна Ревякина — поэтесса, лауреат множества национальных и международных литературных премий, автор более десятка поэтических книг. Её стихи переведены на 16 языков. Евгений Евтушенко назвал Анну Ревякину великой русской поэтессой, Владимир Соловьёв — лучшим поэтом страны, а Захар Прилепин — звездой русского слова, взошедшей в небо Донецка.

Родной город Анны — Донецк, и его трагическая судьба красной нитью проходят через всё творчество поэтессы. Счастливое детство в залитой солнцем степи, тёплый родительский дом, поддержка и мудрые душевные разговоры с отцом-шахтёром, заботливая мать, гордящаяся успехами талантливой дочери. Город ДО. И Город ПОСЛЕ: обстрелы, страх смерти, разрушения и утраты, раскол привычного круга общения на своих и чужих, сопротивление, вера в победу и мир для города и его жителей.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Ревякина А. Н., текст, иллюстрации, 2024
© Легещич А. Ю., фото, 2024
ISBN 978-5-17-159636-1 © ООО «Издательство АСТ», 2024

*Посвящается
маме и папе*

О сплетении судеб и метафизике

Не всякому рыжему делают биографию. У одного гениального трансзиатского поэта её, по сути, вообще не было. А как без неё? Одних стихотворений бывает недостаточно. Удачливости при жизни — тоже. Сотен публикаций и выпущенных книг — тем более.

Всегда необходим какой-то дополнительный метафизический компонент.

Поэт, понимающий это, может самостоятельно всё сгенерировать. Так, Сергей Есенин рядился под простого деревенского парня и покорял большие города. Евгений Евтушенко, перманентно желавший свежести, не только через свои стихи, но и через аляповатые рубашечки и пиджачки олицетворял собою смену эпох и обновление культурного пространства. Эдуард Савенко взял псевдоним «Лимонов» и стал максимально кисло-жёлчным в стихах, прозе, журналистике и мемуарах. Сергей Чудаков и Аркадий Кутилов — как могли оправдывали свои удивительные фамилии.

И подобные примеры можно множить бесконечно.

Однако есть и другой метафизический компонент, который даётся свыше и никак иначе (самостоятельно, как ни пытайся, его не заполучить). Я говорю об испытаниях. О кресте.

У Анны Ревякиной, чью книгу вы держите сейчас в руках, такой крест — Донбасс. Благодаря не только и не столько военным действиям, сколько жизни в этом регионе, большой любви к нему и колоссальной работе во всех сферах, которые только можно придумать: экономике, политике, социальной сфере, гуманитарной помощи, журналистике, культуртрегерстве, живописи, дизайне, филологическом анализе, книгоиздании и, конечно же, поэзии.

Всё, что мне нужно, это немного мирного неба в окне разбитом. Мой птичий промысел — это уже не выдумки ювелирные, это гораздо больше, чем скажешь голосом.

Это во сто крат больше, чем чувства воина,
это сравнимо разве что с болью матери.
Я так боюсь, что невозвращенье пройдено,
я так боюсь, что мир мы уже утратили.

Столько линий художественного осмысления, что в этот метафизический силоч невозможно не попасться! А раз читатель попадает, это придаёт поэту новые силы, чтобы и дальше нести свой крест.

Проговорю для кого-то, может быть, спорную мысль, но есть Божественное провидение. В русской литературе, а также в историко-культурном процессе его наиболее часто можно разглядеть.

Вот и про появление такого феномена, как Анна Ревякина, написал однажды... Исаак Бабель! Он ещё в 1930-е годы во время очередного приезда в Донецк честно признался:

«Настоящей книги о Донбассе ещё не существует. Ни прозы, ни стихов. Шахтёрские «страдания» это подтверждают: они — просьба о песне, тоска по песне. Что же касается романов, повестей, рассказов о шахтёрах, а таких книжек за последние годы появилось порядочно, так в большинстве это — ремесленные поделки, высокопарные, спекулятивные, низкопробные».

Сказано почти сто лет назад, а как будто сейчас. Но не будем преждевременно прерывать Бабеля, у него есть ещё одно весомое суждение:

«Я представляю себе достойный роман о Донбассе как мощную и яркую поэму в прозе, поэму торжественную своей правдивостью, высотой инженерной отваги, повседневного шахтёрского подвига. Читатель войдёт в эту поэму, как в строгий, сияющий храм, в котором ничто и никто не пугает, не предаёт анафеме и не грозит, а человек труда предстаёт со своими рукотворными чудесами, как великий зодчий, продолжающий сотворение мира...»

Как вы успели заметить, Бабель что-то да провидел. Такой поэмой, торжественной своей правдивостью, стала «Шахтёрская дочь», и написала её именно Анна Ревякина. Вот такое получается сплетение судеб.

А шахтёрские бытовые, а теперь ещё и военные страдания (тут могу позволить себе не брать это слово в кавычки) наконец-таки породили достойные песни и стихи, полные мужественности, твёрдости характера, нечеловеческой стойкости и одновременно женского очарования:

Прямо на уровне глаз — лицо,
если город возьмут в кольцо,
не мечись по комнатам от отчаянья.
Просто представь, что кольцо это обручальное,
и его всегда можно снять, переплавить в серьгу,
подойти и в упор пожелать обезумевшему врагу,
словно лучшему другу, призрения и любви,
и смотреть, как третий глаз у него откроется меж бровями,
и как хлынет из этого глаза чёрная смоль...

Тонкий голос Анны Ревякиной не взят напрокат, как у целого поколения сетераторов и провинциальных мальчиков, косящих под шестидесятников, — нет, это прямое наследование Юнне Мориц и всё тому же Евгению Евтушенко. Диапазон — от лёгких лирических зарисовок, погружающих читателя в детские годы последнего советского поколения 1980-х годов, до монументальных картин, запечатлевающих судьбы людей, прошедших или до сих пор проживающих события на Украине.

Эта книга позволит услышать этот голос — один из самых живых в Донбассе и за его пределами. Поэт с чутким отношением к слову и, наконец, человек, радеющий за родную землю, Анна Ревякина отвечает за всё — что крайне важно! — за всё написанное.

Олег Демидов

ДОНЕЦКИЙ ТЕКСТ

***

Если Он важен не просто тебе, а в рамках Вселенной,
Он не отвалится, не станет монетой разменной
для автомата с шипучей лимонной водой.
Если Он важен тебе — тысячи лет неживой.
Вдруг, как иголкой игольщик, — нащупана вена.
— Пленных не брать! Война здесь обыкновенна.
Пустая скорлупка сработавшей гильзы,
у автомата щелчок — принимаемый вызов.
— Пленных не брать, добивайте! К ужину гости —
пустые глазницы, лохмотья, гремящие кости.
Ешь телевизор, ересь печатных продуктов.
Эта война на заказ — жуткая шутка.
Не истери, у правды о Нём нет срока.
Находишь ещё в себе подобие Бога
или уже стесался, истёрся духом?
Видишь, земля пылает десятым кругом!

2012 год, Донецк

***

Я вне политики, но это моя война,
она постучалась утром, мы пили кофе.
И кто-то сердитый, пряча бойцовский профиль
под чёрною маской, сказал: «Ты теперь вдова!»
А я ему отвечала, чтоб уходил,
что муж мой ему неровня, но с автоматом
спорится ровно так же, как с бюрократом
в мирное время, где тихо поёт винил,
и тянется над фарфором седой дымок,
ложки стучат о донья пустых тарелок,
и нет никакого дела до перестрелок,
в которых один — смертельный всегда итог.
Юный июнь испуганно трёт глаза,
со страхом глядит на мир из-под русой чёлки,
где кофе разлит, а фарфоровые осколки
похожи на зубы, — и путь перекрыт назад.
Что с нами будет, привыкшими жить в тепле,
делать уроки с сыном и ездить к морю?
Знаешь, я в детстве пела в церковном хоре,
сейчас же мой голос подобен гнилой культуре.
Знаешь, ведь мне так мало по существу
надо от жизни, буквы да картинки,
утром проснуться, в кофе добавить сливки
в мире, где Бог навсегда запретил войну.

2014 год, Донецк

ЧТО ТЕБЕ ЗАВЕЩАТЬ?

Рассуждая о книгах, которых мы не читали,
от вокзала под волчьей луной в опостылевший тыл,
приходить и случаться житейскими мелочами,
выбиваясь, как пряди волос, в боях нескончаемых
почему-то всегда на краю молчаливых могил.

Что тебе завещать из всего, что утратило ценность
для меня, перешедшего позднюю вечную грань?
Эти вещи умеют испытывать ревность, —
не ко мне, моё тело истлело, всегдашняя верность,
как основа для тела, — всё тот же самообман.

Что тебе завещать? Хочешь эту квартирку в убогом
доме в стиле «советский ампи́р», занавески и пыль.
Мы всегда говорили изящно и слишком о многом,
что теперь эта речь не способна стать некрологом —
лаконичным и светским, её деревянный костыль,

словно в горле распорка. Косточкой жареной рыбы
в напряжённую glandу вонзается, будто в желе.
Кто придумал подсчитывать время и прибыль?
Человек, не успев появиться, считай, уже выбыл
из количества солнц, что звенят в кошельке.

Вот усталое воинство — цифры наследства.
Что тебе завещать, чтобы память в условиях сна
возвращалась к началу посредством этого средства?
Научи меня — этим стихам соответствовать,
чтобы я даже мёртвым их помнил, как помнит десна,

что когда-то в ней зуб отзывался кромешною болью
на холодную воду, — звериный скулёж.
Что тебе завещать, чтобы я стал не просто мозолью,
неудобством, а тем, кто распорет продольно
чёрно-бурую землю рельефом подошв?

Что тебе завещать, чтобы ты не смогла отвертеться
и ходила кругами вокруг, как речная вода?
И солёная кровь в гулких камерах нашего сердца
билась, словно о камни, в броню самоедства,
как в последнюю дверь, под которой ночует вдова.

2014 год, Донецк

***

Приходит старомодный человек:
«Сезон смертей открыт, дышите глубже».
Его язык — особый диалект,
его рука — стерильное оружие.
Он пахнет детством — влажно и светло,
лавандой и таблетками от кашля.
Он смотрит через сильное стекло
и вписывает почерком неряшливым
диагнозы — по-взрослому честны,
смертельно остры, мне не излечиться.
Я — словно малая модель моей страны,
я — словно воспалённая столица
с её отёчностью, на глиняных ногах.
Сустав к суставу, как состав к составу.
Разъято всё, мы в разных поездах,
примерно, как когда-то в Югославии.
Оставьте нас, мой доктор слишком слаб,
неизлечимость — горизонт игольчат.
Разобранный брусчатый тротуар —
предвестник, похоронный колокольчик.
По ком звонит? По тем, кто будет жить,
по тем, кто мёртв, по тем, кто накануне
не разглядел уродливую сыпь —
предтечу украинского безумия.

2013 год, Донецк